

## **ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА**

**Джунджузова Степана Викторовича**

**на диссертацию Тепкеева Владимира Толтаевича «Российское государство и калмыки: проблемы политических взаимоотношений в XVII — первой четверти XVIII века», представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история – Улан-Удэ, 2020. – 514 с.**

Диссертация Владимира Толтаевича Тепкеева охватывает важный аспект российской истории XVII – первой четверти XVIII века, когда в состав России на договорной основе вошло крупное кочевое государственное образование – Калмыцкое ханство. Сложившаяся модель взаимоотношений с калмыцкими тайшами стала основой для выстраивания политической линии с кочевыми народами, вошедшими в состав Российской империи в XVIII веке: казахами, каракалпаками и др. [Васильев, 2016: 215]. Исследовательский интерес к ойратской и калмыцкой государственности, политике и религии ойратских государственных образований в настоящее время реализуется на очень высоком научном уровне. За последние полтора года я представляю отзыв оппонента уже о третьей докторской диссертации. Диссертационные работы А. А. Курапова [Курапов, 2019] и Б. У. Китинова [Китинов, 2020] охватывают главным образом влияние буддизма на политику ойратских и калмыцких правителей, этот аспект также не обойден вниманием В. Т. Тепкеевым.

Обращение к истории вхождения кочевых народов в состав Российской империи имеет большое мировоззренческое и политическое значение. Примитивное представление о русских как о европейских эксплуататорах-колониалистах опровергается документальными материалами, если, конечно, из их контекста не выдергивать нужные для ангажированной политической пропаганды фразы. Труды большинства российских, да и серьезных иностранных исследователей: П. Верта, А. Каппелера, М. Беккера и других, свидетельствуют, что к истории Российской империи нельзя подходить исходя из концепции «колониализма». Диссертационное исследование В. Т. Тепкеева также подтверждает мысль, что история России – это «та сложная ткань взаимодействия имперских властей и местных сообществ, которую нужно стремиться воссоздать во всей ее полноте» [Миллер, 2008: 7].

Не вызывает сомнений и научная актуальность представленной диссертации. Исследование, проведенное В. Т. Тепкеевым, позволяет проследить начальный процесс интеграции калмыков в политическое и экономическое пространство России, складывание русско-калмыцкого военного союза, участие калмыцких конных формирований в войнах России против Польши, Крыма, Османской империи, Швеции и других неприятелей.

Хронологические рамки исследования охватывают длительный, более чем вековой период русско-калмыцких отношений. Обоснование нижней

хронологической границы началом XVII века связано с переходом торгутов в пределы России и последовавшим затем образованием калмыцкой государственности. Определяя верхнюю границу исследования, В. Т. Тепкеев ориентировался на почти одновременное прекращение правления двух выдающихся правителей: императора Петра Великого и калмыцкого хана Аюки в 1724–1725 годах. Выделенный исследователем почти полуторавековой хронологический период позволяет проследить миграцию калмыков по фронтальным территориям Юго-востока России и их оседание в низовье Волги, полигенез калмыцкого народа и образование калмыцкой государственности, интеграцию калмыков в составе России, начавшуюся с середины XVII столетия.

Достаточно пространно В. Т. Тепкеев определяет территориальные рамки исследования, указывая, что основным ареалом кочевания калмыков были степи междуречий Эмбы, Яика, Волги и Дона. Такой подход представляется вполне обоснованным с учетом охвата калмыцких кочевий в период продвижения калмыков на запад в первой половине XVII века и неопределенности границ Калмыцкого ханства. Еще в 30-е гг. XVIII века летние кочевья улуса Дорджи Назарова могли находиться на реке Самаре.

Цель и соответствующие ей одиннадцать задач исследования сформулированы корректно. В соответствии с ними выстроена логика изложения материала: после раскрытия историографии и источниковедческих аспектов работы (с. 23–61), диссертант последовательно, строго придерживаясь хронологического подхода, сосредоточивается на проблемах политического взаимодействия Российского государства с калмыцкими нойонами и ханом Аюкой в XVII – первой четверти XVIII века. (главы 2–5, с. 62–460).

Новизна исследования характеризуется вводом в научный оборот ранее неопубликованных архивных материалов. На их основе были проанализированы и представлены авторские выводы по проблемам, охватывающим эволюцию российско-калмыцких отношений в рассматриваемый период. Автором представлена разработанная концепция образования ойратских этнополитических группировок в XVII веке. Показано выделение из этнополитической группировки ойратов, кочевавших на юге Западной Сибири, отдельной группы улусов, состоявшей преимущественно из торгутов, которая первой переместилась в междуречье Яика и Волги, и получило название «волжские калмыки». В числе источников, введенных в научный оборот, В. Т. Тепкеев указывает письменные обращения калмыцких тайшей, адресованные российским монархам и высшим правительственным чиновникам. Особое значение для отечественного источниковедения представляет, датированное 1642 годом, письмо калмыцкого тайши Лузана, и адресованное царю Михаилу Федоровичу, которое исследователь определяет как самое раннее из известных писем калмыцких тайшей на старописьменном монгольском языке (с. 8). В диссертационном исследовании приводятся новые сведения об участии



калмыков в подавлении Булавинского восстания, взаимоотношений Калмыцкого ханства с народами Центральной Азии, Кавказа и соседними государствами.

Методология исследования является вполне логичной и обоснованной. Автор заявляет о необходимости применения тех или иных исследовательских подходов и методов при анализе истории взаимоотношений калмыков с Российским государством. Применяемый исследовательский инструментарий позволил диссертанту подробно исследовать политическую деятельность калмыцких правителей, погрузиться в историческую обстановку изучаемого периода. Однако не все методы охарактеризованы достаточно полно. Так, описывая историко-сравнительный метод, автор лишь указал, что «сравнение осуществлялось на конкретных исторических фактах, которые отражали существенные признаки явлений, а не формальное сходство». Однако без ссылок на конкретный материал, подобное утверждение выглядит неубедительно.

Историографический обзор и анализ источников представлены отдельными параграфами в первой главе диссертации.

В. Т. Тепкеев подробно анализирует степень изученности избранной темы. Изложение историографии проблемы построено автором по традиционному для диссертаций хронологическому принципу. В соответствии с хронологией труды предшественников поделены им на группы, включающие литературу дореволюционного, советского и современного российского периодов. Внутри хронологических периодов автор выделяет наиболее важные, с его точки зрения, работы, содержание которых подвергается анализу. Одним из существенных недостатков первых исторических публикаций Тепкеев считает недостаточное знание и использование архивного материала. Ошибки, допущенные в трудах Н. Я. Бичурина, В. М. Бакунина, относящиеся к датировке событий, связанных с переселением этнических групп ойратов в Россию и их последующим перемещением, повторяются в трудах историков, вплоть до настоящего времени. В целом, подчеркивается, что в дореволюционной историографии вопросам внутривосточных взаимоотношений калмыков и связям с соседними народами и государствами в XVII–XVIII веках уделялось мало внимания.

В диссертации отмечается резкий рост общественного интереса к периоду становления и развития государственности в ранний советский период. Думается, это связано с научно-публицистической деятельностью Н. Н. Пальмова, привлечшего к изучению калмыковедения крупного советского ученого-историка С. К. Богоявленского. Отдавая должное его научным изысканиям, В. Т. Тепкеев отмечает ввод в научный оборот огромного массива архивных материалов из фондов современного Российского государственного архива древних актов и устранение в связи с этим допускаявшихся прежде ошибок с датировкой целого ряда исторически значимых событий (с. 34). Важное значение для историографии калмыцкой

государственности имели работы 60–80-х годов XX века. Автор опускает влияние на них марксистско-ленинской идеологии и сосредотачивается на анализе используемых в них документальных материалах и выводах о причинах вхождения калмыков в состав России, развитии русско-калмыцких отношений, образовании Калмыцкого ханства и других вопросах (П. С. Преображенская, М. Л. Кичиков, И. Я. Златкин, М. М. Батмаев).

В. Т. Тепкеев не проводит черту между периодами советской и современной историографии, но акцентирует внимание на росте интереса к истории в 1990-е годы и на расширении историографической проблематики. Наряду с ключевыми проблемами своей работы по истории образования и периодизации калмыцкой государственности, отношений калмыцких тайшей с российским правительством, освещаемых в трудах К. Н. Максимова, В. И. Колесника, А. В. Цюрюмова, В. П. Санчирова и др., получили развитие такие направления, как: роль буддийского духовенства в развитии русско-калмыцких отношений (А. А. Курапов), христианизация калмыков (К. В. Орлова), международные связи калмыков (В. В. Трепавлов, И. В. Торопицын, Б. А. Азнабаев и др.), военной истории калмыков (Л. А. Бобров, М. А. Рюмшин, В. А. Артамонов и др.). Наряду с отечественной исторической литературой исследователем были основательно изучены труды зарубежных историков, которые, по его мнению, не отличаются привлечением новых архивных материалов и ограничиваются лишь аналитикой уже известных опубликованных материалов (с. 45). В заключении историографического обзора отмечается отсутствие консенсуса не только в оценке исторических событий, но и их хронологии. Привлечение архивных источников, представленных в диссертационном исследовании, позволяет с новых позиций рассмотреть проблемы, которые, как утверждает автор, сознательно замалчивались или недостаточно освещались.

При переходе к характеристике источниковой базы следовало, прежде всего, дать классификацию всех групп источников, а затем приступить к характеристике архивного материала. Широкое привлечение и глубокая проработка архивных документов является, несомненно, одним из главных достоинств диссертационной работы. В. Т. Тепкеевым был собран и проанализирован колоссальный массив архивных материалов из трех центральных: Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), Архива Санкт-Петербургского института истории РАН и одного регионального архива: Национального архива Республики Калмыкия (НА РК). В общей сложности он составил 245 дел, рассредоточенных по 12 архивным фондам. Специалисты по дореволюционной истории, особенно ранних ее периодов, хорошо знают, насколько трудно бывает разобрать почерк, понять и объяснить смысл отдельных слов и предложений. В результате изучения как не опубликованных, так и опубликованных, но поверхностно проанализированных источников, составила документальная основа для фундаментального изучения событий политического взаимодействия



Российского государства и калмыков в XVII – первой четверти XVIII века. В этой связи нам видится излишним замечание В. Т. Тепкеева о том, что представленный в его работе материал нельзя назвать исчерпывающим. Пусть об этом судят исследователи, которым посчастливится обнаружить новые архивные материалы.

Изложение событийной части своего исследования В. Т. Тепкеев логично начинает с рассмотрения с причин перехода калмыков в российское подданство и условий этого перехода. Справедливо отмечается формальное отношение к первым шертям и частое нарушение содержащихся в них обязательств, в первую очередь, с калмыцкой стороны. В первые десятилетия XVII века в среде тайшей не было единства, кроме того, отношение к «белому царю» также определялось военными успехами в противостоянии с монголами и казаками, а позднее с башкирами и Ногайской ордой. В диссертации подробно, с погодным описанием событий, показан процесс колонизации калмыками прикаспийских степей, покорения ногайцев, столкновения с яицкими казаками и башкирами в 1630–1640-е годы. Недостаток русских войск в приграничных крепостях, и, в первую очередь, в Астрахани, позволял калмыцким тайшам Дайчину, Хо-Урлюку уклоняться от признания себя «холопами русского царя», как того требовала присяга на подданство. В ходе работы с договорными грамотами (шертями) и письмами калмыцких тайшей В. Т. Тепкееву удалось установить ряд особенностей, связанных с использованием письменного языка, формулировок, стиля и структуры дипломатических документов. К числу значимых для истории калмыцкого народа относятся сделанные исследователем уточнения о гибели тайши Хо-Урлюка во время похода на Кабарду, а не в Астрахани, как это считалось ранее, а также возвращение в 1647 году тайши Дайчина в родовые улусы и возобновление в связи с этим переговорного процесса с российскими должностными лицами.

Для меня как специалиста по истории крещеных калмыков интересен, приведенный В. Т. Тепкеевым факт, что уже в 1649 году посольство, возглавляемое боярским сыном В. Голубцовым, принципиально поставило вопрос о невозвращении из России пленных калмыков, принявших крещение. Возможно, это первое официальное упоминание о крещеных калмыках (с. 153). Диссертант опровергает ставшее хрестоматийным утверждение о том, что торгуты, возглавляемые Хо-Урлюком первыми прикочевали в прикаспийские степи. Прежде них здесь появились хошутские улусы под началом Чокура и его соратников (с. 176, 177).

Опыт выстраивания российско-калмыцких отношений XVII века был использован Российской империей в следующем столетии в установлении протектората и условий подданства в отношениях с казахскими жузами, каракалпаками и другими азиатскими народами. В связи с этим, внимательного отношения заслуживают формулировки шертей 1655 и 1657 годов, определявших уровень подданства и самостоятельности калмыцких тайшей, требований к калмыкам о направлении в Астрахань аманатов,

предоставление калмыкам права кочевания на правобережье Волги в обмен на оказание военной помощи против Крыма.

В указах, адресованных оренбургскому губернатору И. И. Неплюеву по поводу выстраивания отношений с казахскими ханами, в качестве примера приводятся договоры и практика взаимодействия астраханских властей с ханом Аюкой, о которых подробно описываются в диссертации В. Т. Тепкеева. К их числу относится инициатива И. И. Неплюева об определении казахскому Нуралы-хану годового денежного и хлебного жалования, предписания Коллегии иностранных дел брать казахов в баранту (заложники) за преступления, совершенные их родственниками, как это повелось в Калмыцком ханстве при Аюке-хане [ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 19. Л. 95-97об, 104-105].

Значительная часть диссертационного исследования охватывает полувековой период правления Аюки-хана. В. Т. Тепкеев давно и плодотворно занимается исследованием жизни и политической деятельности этого самого знаменитого калмыцкого правителя. Следует отметить, что автору удалось избежать ошибки многих историков-биографов, сознательно или невольно восхваляющих своих героев. В. Т. Тепкеев описывает сложную геополитическую ситуацию, с которой столкнулся Аюка-хан в первые десятилетия своего правления. В силу слабости военно-административного представительства России в Нижнем и Среднем Поволжье и нередкого самоуправства воевод, заключенные с калмыками договоренности постоянно нарушались. Кроме того, Россия достаточно слабо контролировала своих строптивых подданных: башкир и казаков, едва ли не ежегодно враждовавших с калмыками. Следует также учитывать сепаратизм калмыцких тайшей, независимо от Аюки, принимавших решения о набегах на российских подданных. Для Аюки-хана важно было сохранить суверенитет Калмыцкого ханства во внутренних делах и внешних сношениях, а также собственный авторитет. Последнее проявлялось в его поддержке и прямом участии в башкирском восстании 1681–1683 годов, выдвижении требования о возвращении калмыков, переселившихся на Дон и даже их силовом захвате, противодействии крещению калмыков.

В то же время, В. Т. Тепкеев совершенно верно показал тенденцию, свидетельствующую о взаимоуважении и доверительных отношениях между Петром I и ханом Аюкой, сложившихся уже в конце XVII века, когда калмыцкий правитель был готов отправить на обучение в Россию своего сына. Затем, в период ссоры с сыновьями, Аюка-хан нашел укрытие в Яицком городке. Наконец при личной встрече с императором в 1722 году, Аюка просил Петра стать гарантом передачи ханского престола его сыну Церен-Дондуку, рожденному от Дармы-Балы, в обход внука от старшего сына – Дасанга.

Качественно изменились в этот период и союзнические отношения между Российской империей и Калмыцким ханством. Калмыцкая конница стала постоянно привлекаться к военным походам русской армии против



крымских и кубанских вассалов Османской империи. Калмыки содействовали подавлению булавинского восстания и в дальнейшем преследовали беглых казаков-некрасовцев на Северном Кавказе.

В. Т. Тепкеев убедительно доказывает, что в период войн и петровских преобразований первой четверти XVIII века обозначилась явная тенденция на углубление интеграции Калмыцкого ханства в экономическое и политическое пространство Российской империи, ограничение его государственного суверенитета. Посредством договоров царское правительство стремилось установить контроль за дипломатической и военной активностью калмыцких ханов, пользуясь конфликтными ситуациями, возникавшими между тайшами, активно вмешивалось во внутренние дела Калмыцкого государства.

В заключении диссертации подведены итоги исследования, даны ответы на задачи, поставленные во вводной части диссертации.

Следует констатировать, что в диссертационной работе В. Т. Тепкеева в контексте решения исследовательских задач поднимаются и изучаются вопросы, затрагивающие актуальные проблемы разных научных направлений, вносящие существенный вклад в их развитие. В их число входят: история внешней политики Российской империи, история калмыцкого народа и др.

Вместе с тем, в своих отдельных положениях диссертация, на наш взгляд, не свободна от некоторых недочетов, а отдельные выводы автора нуждаются в дополнительном комментировании, обсуждении и корректировке.

1. Для усиления методологического обоснования диссертационного исследования было бы логично «Методы и методологию исследования» представить в виде отдельного параграфа первой главы, совместно с историографическим обзором и характеристикой источников. Наряду с методами, перечисленными во введении, было бы желательно обосновать теоретические подходы, на которые ориентировался автор. Наиболее соответствующими теме и содержанию диссертации представляются: предложенная профессором И. В. Побережниковым концепция фронтальной модернизации, концепция аккультурации, разработанная коллективом ученых под руководством доктора исторических наук С. В. Любичанковского. Заметное место в диссертационном исследовании отводится роли личности как участника властных отношений и актора реформ, что также можно было бы обосновать в контексте такого научного направления как «антропологии власти».

2. Автор во многом выстроил свое исследование на историко-генетическом методе, описательном по форме выражения информации. Не отрицая авторского подхода, для усиления исследовательской аналитики было бы логично структурировать работу не в хронологическом, а проблемно-хронологическом ключе. Например, в рамках глав, выстроенных в хронологическом порядке, тематику параграфов обозначить как

договорные отношения калмыков с Российским государством, отношения калмыков с казаками и другими народами, подданными Российской короны, участие калмыков в войнах России и т. д., так как это изложено в выводах в конце глав и в заключении.

3. Отношения между башкирами и калмыками представлены в диссертации как череда конфликтов, вызванных пленением людей, захватом скота и имущества. Не уделено внимания такому важному вопросу как оседание калмыков на башкирских землях, причины этого явления и участия калмыков в этногенезе башкирского народа.

4. Аналогичное замечание относится и к взаимодействию калмыков с яицкими казаками. Как и в случае с донскими казаками, калмыки с конца XVII века принимались в Яицкое казачье войско [Джунджузов, 2016: 42].

5. Мало внимания в диссертации уделяется крещению калмыков. Это явление указывается лишь при анализе договорных грамот (шертей) и ничего не говорится о фактическом противодействии российской политике христианизации. Например, о сожжении в 1700 году зайсангом Эркетеновского улуса Яманом по приказу Аюки-хана поселения крещеных калмыков на реке Терешка [Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 590. Оп. 1. Д. 152. Л. 15 об.].

6. В диссертации встречаются грамматические ошибки, вызванные неверным склонением слов. Для удобства чтения сноски желательно размещать внизу страницы.

Указанные замечания носят либо дискуссионный характер, либо направлены на уточнение положений и позиции автора по некоторым аспектам исследуемой темы, либо относятся к дальнейшей работе над проблематикой.

Диссертационная работа соответствует паспорту специальности 07.00.02 – «Отечественная история» по областям исследования: 1. Научная периодизация истории России; 5. История международного положения и внешней политики страны на различных этапах ее развития; 8. Военная история России, развитие ее Вооруженных сил на различных этапах развития; 10. Национальная политика Российского государства и ее реализация. История национальных отношений.

Личный вклад соискателя заключается во введении в научный оборот целого комплекса ранее не использовавшихся архивных источников, а также в разработке целостной концепции изучения истории российско-калмыцких отношений в XVII – первой четверти XVIII века. Полученные автором результаты исследования являются новыми и значимыми для развития российской исторической науки. Кроме того, выводы В. Т. Тепкеева имеют и практическое значение. Материалы диссертационного исследования могут быть задействованы при изучении истории межнациональных процессов в России, разработке лекционных курсов и их использовании в учебной работе и общественно-просветительской деятельности.



